

Анжела Наумова
Голод

18+

Анжела Наумова

Голод

<https://litres.ru/74322783>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Голод» — это 30 историй о женщинах, которые перестали чувствовать себя живыми. О тех, кто потерял себя в тишине пустых квартир, в запахе лекарств и остывшего кофе. И о том, как одно прикосновение может вернуть их к жизни.

От аптеки до танцевального зала, от ночной смены до старого парка — героини этого сборника ищут не просто любовь. Они ищут себя. Они хотят снова чувствовать. Даже если это больно. Даже если это страшно.

Для тех, кто знает: иногда самый сильный голод — это голод по теплу.

Содержание

Рассказ 1. Голодные глаза	4
Рассказ 2. Тёплый хлеб	13
Рассказ 3. Сухой рот	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анжела Наумова

Голод

Рассказ 1. Голодные глаза

Она провела пальцем по краю пустой чашки. На дне осталась коричневая плёнка. Она не помнила, когда пила чай. Может быть, утром. Может быть, вчера. Она жила одна. Сорок семь. Разведена. Работала в аптеке. Двенадцать лет. Запах таблеток и стерильных бинтов въелся в шторы, в диван, в её волосы. Даже после душа она чувствовала его — под кожей, смешанный с потом и мылом.

Она не знала, зачем она это делает. Она просто сидела. Смотрела на пустую чашку. Слушала тишину. В комнате было темно, только уличные фонари пробились сквозь тонкие шторы, рисуя на полу длинные полосы. На столе лежала книга, которую она не открывала месяц. Рядом — чашка с остывшим чаем. Всё в этой комнате было старым, остывшим, забытым. Как она сама.

Подошла к зеркалу. Лунный свет падал на лицо, делая кожу бледной, почти прозрачной. Провела пальцами по щеке. Кожа была сухой, тёплой, но казалась

чужой. Сорок семь. Разведена. Работает в аптеке. Живёт одна. Факты, как строчки в чужой анкете. Открыла шкаф, долго смотрела на платья, которые не носила. Сняла одно — синее, с длинным рукавом. Шёлк обхватил тело, как чужие руки. Ирина не узнала себя. Женщина в синем платье была похожа на неё, но другая — смелее, свободнее, как будто знала что-то, чего не знала Ирина.

На следующий день снова стояла у окна. За окном шёл дождь. Капли стекали по стеклу, искажая огни города. Ирина думала о том, что завтра будет то же самое. И послезавтра. И через неделю. И через год. Она ничего не чувствовала при этой мысли.

На третий день вышла. Дождь прошёл, но асфальт был мокрым, и фонари отражались в лужах, как жёлтые глаза. Ирина шла медленно, не зная, куда. Каблуки стучали по мокрому покрытию. У аптеки остановилась. Вывеска горела зелёным. Внутри никого. Толкнула дверь — мягкий звон. Пахло лекарствами и чистотой. Стеллажи белые, ровные. На полках коробки, пузырьки, тубики. Всё на своих местах.

Ирина подошла к стойке и увидела его. Он стоял у витрины спиной, смотрел на полки. Пальто влажное от дождя. Высокий, широкоплечий, тёмные волосы с сединой. Он повернулся. Она увидела его глаза. Голодные. Не до еды — до жизни, до света, до того, что

Ирина не могла назвать.

— Вы работаете? — спросил он.

Голос тихий, низкий, с хрипотцой.

Она кивнула.

Он подошёл к стойке, протянул рецепт. Его пальцы были длинными, сухими. Когда Ирина взяла бумагу, её пальцы дрогнули.

— Подождите, — сказала она. — Я найду.

Она пошла в дальний угол. Свет ламп падал на коробки. Она не помнила, какое лекарство он просил. Стояла и чувствовала его взгляд на спине.

— Я могу помочь, — сказал он, подходя ближе.

Ирина слышала его шаги, чувствовала запах — дождь, табак, что-то тёплое.

— Я не знаю, — сказала она, не оборачиваясь. — Какое лекарство вы просили?

Он молчал. Воздух стал плотным. Она повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Вы не за лекарством, — сказала она.

Он не ответил. Сделал шаг. Она отступила. Ещё шаг — её спина упёрлась в стену. Холодную, белую, с коробками на полках. Он стоял близко. Она чувствовала его дыхание на своих губах.

— Я не знаю вашего имени, — прошептала она.

— Сергей.

— Ирина.

Она назвала своё имя и почувствовала, как что-то сломалось. Голос дрогнул. Она плакала. Слёзы текли по щекам.

Он взял её за руку.

— Выйдем? — спросил он.

Она кивнула.

Они вышли. Дверь закрылась с мягким звоном. Ветер ударил в лицо — холодный, влажный. Она не чувствовала холода. Только его руку в своей. Они стояли под фонарём, жёлтый свет падал на них, делая тени длинными. Снова начинался дождь. Капли падали на асфальт.

— Почему вы смотрели на меня? — спросила она.

— Я увидел ваши глаза, — сказал он. — Они были пустыми. Я понял, что должен что-то сделать.

Ирина смотрела на него. Он не знал её, не знал, кто она, что с ней случилось. Но он увидел её глаза.

— Куда мы едем? — спросила она, когда они сели в машину.

— Ко мне, — сказал он. — Если вы не против.

Она не ответила.

В машине было тепло, пахло кожей и табаком. Дождь барабанил по крыше. Ирина сидела и смотрела, как капли стекают по стеклу. Они не говорили.

Они зашли в подъезд. Свет тусклый, стены старые, с облупившейся краской. Эхо шагов. Он открыл

дверь. Квартира маленькая, уютная. Пахло старой мебелью, книгами, табаком. На столе лампа с зелёным абажуром, свет мягкий, тёплый.

— Проходите, — сказал он.

Она сняла пальто. Стояла посреди комнаты, смотрела на его вещи — книги на полках, пустую кружку, старый диван.

Он подошёл сзади. Она чувствовала его дыхание на своих волосах.

— Вы боитесь? — спросил он.

— Да, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он.

Она повернулась. Он не врал.

— Когда я увидел вас в аптеке, — сказал он, — я понял, что должен что-то сделать. Вы выглядели так, будто кто-то забыл вас в этом мире.

Никто никогда не говорил ей таких слов.

Он взял её за руку. Прикосновение было тёплым. Она чувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Я хочу вас, — сказал он. — Но я не хочу вас пугать.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Я давно не была с мужчиной.

Он не ответил. Просто смотрел на неё, давая ей время.

Она наклонилась и поцеловала его. Губы сухие,

мягкие. Ирина чувствовала его дыхание, его запах. Его руки скользнули по её спине. Медленно, словно боялись разрушить этот момент.

— Я хочу тебя чувствовать, — прошептал он.

Она кивнула. Его пальцы расстёгивали пуговицы. Ткань скользнула с плеч. Он смотрел на неё с тем же голодом.

— Ты красивая, — сказал он.

— Сними рубашку, — сказала она.

Он снял. Свет падал на его плечи, на седые волосы на груди. Она смотрела на него.

— Я хочу быть с тобой, — повторила она.

— Ты боишься? — спросил он.

— Уже нет, — сказала она.

Он уложил её на кровать. Лунный свет падал на простыни. Ирина чувствовала его руки на своём теле, его дыхание на своей коже. Он целовал её шею, плечи, грудь. Она закрыла глаза и слушала его сердце.

— Посмотри на меня, — сказал он. — Открой глаза. Я хочу видеть твои глаза.

Она открыла и смотрела в его глаза, пока он целовал её.

— Я не помню, когда в последний раз так чувствовала себя, — сказала она потом, лежа на кровати. — Живой.

— Я тоже, — сказал он. — Я тоже не помню.

Ирина лежала и смотрела в потолок. Лунный свет падал на стены. Она чувствовала его руку на своём животе.

— Я устала быть невидимой, — сказала она в тишину.

— Ты не невидимая, — сказал он. — Ты здесь. Ты со мной.

Он притянул её ближе. Она уткнулась носом в его плечо и плакала. Он не спрашивал почему. В какой-то момент она улыбнулась сквозь слёзы и сказала:

— Ты даже не знаешь, кто я.

— Я знаю, — сказал он. — Ты — женщина, которую я искал всю жизнь.

Она засмеялась — первый раз за долгое время.

— Это глупо.

— Это правда.

Она проснулась утром. Солнце проникало через занавески, комната была залита золотом. Он лежал рядом и смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

— Я не хочу уходить, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он.

Ирина не знала, что будет дальше. Она не знала, увидятся ли они снова. Но она знала, что больше не хочет быть невидимой.

— Я приду, — сказала она. — Я тебе обещаю.

— Я буду ждать, — сказал он.

Она встала, оделась и вышла на улицу. Солнце светило, асфальт был сухим. Город просыпался. Ирина шла медленно и улыбалась. Впервые за долгое время она знала, что кто-то ждёт её.

На следующий день Ирина вернулась в аптеку. Смена начиналась в восемь, но она пришла на час раньше. Стояла у стойки, перебирала рецепты, хотя знала, что их уже разобрали. Ждала. Сама не знала чего.

— Ты чего такая? — спросила Нина, её сменщица, заходя с чёрным кофе в руках.

Ирина пожала плечами.

— Нормально.

Нина хмыкнула, поставила чашку на стол, сняла пальто. Она была моложе Ирины лет на десять, полная, с короткой стрижкой и вечно насмешливым взглядом. Работали они вместе пять лет, но Ирина никогда не рассказывала ей о себе. Нина не спрашивала. Нина вообще мало что спрашивала.

— Ты платье новое надела, — сказала Нина, прищурившись. — И лицо другое.

— Какое?

— Не знаю. Как будто ты выспалась. Или... — Нина сделала глоток кофе, не сводя глаз с Ирины. — Или тебя кто-то трахнул.

Ирина почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Она отвернувшись к стеллажам, сделала вид, что поправляет коробки.

— Ты с ума сошла, — сказала она.

— Ну-ну, — усмехнулась Нина. — Я пять лет смотрю на твою кислую рожу. Сегодня она не кислая. Сегодня она как у человека.

Нина больше ничего не сказала, ушла в подсобку. Ирина осталась одна. Стояла у стойки, смотрела на входную дверь. Сердце билось громко. Она ждала. Не знала, придёт ли он. Не знала, должен ли прийти.

Он пришёл в одиннадцать. Снова в том же пальто, с влажными волосами. Дождь за окном усилился, и он стряхнул капли с плеч, прежде чем войти. Увидел её — и улыбнулся. Не широко, не навязчиво. Просто уголки губ дрогнули.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответила она.

Они стояли друг напротив друга. Ирина смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Как будто она ждала его всю жизнь.

— Вы пришли за лекарством? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я пришёл на вас посмотреть.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время она не боялась того, что будет завтра. Она знала, что он придёт снова. И она будет ждать.

Рассказ 2. Тёплый хлеб

Надежда разломилла свежий хлеб и почувствовала, как пар обжигает лицо. Она не чувствовала вкуса. Только пустоту. Она была пекарем двадцать три года. Она пекла хлеб для других. Она давала им тепло. Но сама она не чувствовала его.

В пекарне было жарко. Запах дрожжей, муки и тепла висел в воздухе, густой и уютный, как одеяло. Надежда любила этот запах. Он был единственным, что осталось от мужа. Он умер пять лет назад, и после его смерти она не знала, что делать. Она не плакала. Она просто замешивала тесто. Снова и снова. Дом при пекарне был старым, деревянным, с низкими потолками и скрипучими половицами. Зимой окна замерзали. Летом в комнатах пахло мятой.

— Доброе утро, Надежда Петровна.

В дверях стояла тётя Клава — соседка, которая заходила за хлебом каждое утро. Ей было под семьдесят, она ходила с палкой, но глаза были ясными, живыми.

— Доброе, — ответила Надежда.

— Чем пахнет? Опять ржаной?

— Сегодня пшеничный. С мёдом.

Тётя Клава кивнула, положила на прилавок моне-

ты, взяла каравай и ушла. Дверь хлопнула. За окном проехала машина. Надежда вернулась к печи.

Это продолжалось до того дня, когда в пекарню вошёл он. Дождь лил третий день. Его пальто промокло насквозь, волосы слиплись, и он стоял у входа, стряхивая воду с плеч. У него были светлые глаза, почти прозрачные, и лицо, изрезанное морщинами. Он выглядел так, будто его кто-то забыл. Как и она.

— Извините, можно погреться?

Надежда кивнула. Он сел за столик у окна. Дождь стучал по стеклу. Надежда поставила перед ним кружку с чаем, положила кусок хлеба — свежий, ещё тёплый, с хрустящей коркой. Он смотрел на хлеб, и его глаза изменились. Стали мягче, теплее.

— Спасибо. Хороший хлеб.

— Я пеку двадцать три года.

— Значит, вы знаете, что делаете.

— Я ничего не знаю. Я просто пеку.

Он усмехнулся.

— Как вас зовут?

— Егор. А вас?

— Надежда.

Из соседней комнаты вышла рыжая кошка. Она потянулась, зевнула и прыгнула на подоконник. Надежда посмотрела на неё.

— Это Мурка, — сказала она. — Живёт со мной.

— Ты не одна, — сказал он.

— С кошкой.

— Это тоже не одна.

Он остался до вечера. Дождь всё лил. Она поставила ещё чашку чая, достала из печи новый каравай. Хлеб был золотистым, и когда она разломил его, пар поднялся вверх.

— Почему вы работаете одна?

— Я привыкла.

— Это не ответ.

— А вы почему замёрзли?

— Я ищу место, где можно согреться. Я живу в машине.

Она смотрела на него. За окном проехала ещё одна машина, кто-то крикнул на улице. Кошка насторожила уши.

— Вы согрелись?

— Нет. Но хлеб у вас хороший. И вы...

— Что я?

— Вы не спрашиваете, зачем я здесь. Вы просто дали мне хлеб.

— Я всегда даю хлеб.

— Я знаю. Я это видел.

Они замолчали. В пекарне было тепло. Она сидела напротив него и чувствовала, как внутри неё разливается что-то новое.

— Я не знаю, что мне делать.

— Я живу одна. Я забыла, что такое говорить с кем-то по вечерам.

— Я тоже забыл.

— Зачем вы здесь?

— Я увидел свет. Я пошёл на него. Я искал место, чтобы согреться. Но когда я попробовал ваш хлеб... я понял, что искал не свет. Я искал тепло.

— Егор.

— Что?

— Оставайтесь. На сегодня.

Он смотрел на неё.

— Вы уверены?

— Нет. Но я хочу, чтобы вы остались.

Надежда показала ему комнату на втором этаже. Маленькую, чистую, с узкой кроватью и окном в сад. Пахло сушёными травами и деревом. Кошка мяукнула и побежала вниз.

Утром она проснулась рано. Солнце ещё не взошло. Надежда подошла к окну. Дождь прошёл. Листья блестели. За забором кто-то разговаривал — голоса были приглушёнными, но живыми.

Она спустилась, зажгла печь, замесила тесто. Он спустился через час. Стоял на пороге.

— Я собирался уходить.

— Я знаю. Но вы не будете хлеба?

— Буду. Я не могу уйти без твоего хлеба.

Надежда нарезала хлеб толстыми ломтями. Они сидели друг напротив друга. Тишина была полной, но не пустой.

— Надежда.

— Что?

— Я вернусь. Я не знаю, когда. Но я вернусь.

— За хлебом?

— Нет. За тобой.

Он ушёл. Надежда стояла на пороге и смотрела, как его фигура становится всё меньше. День прошёл в пустоте. Она месила тесто, ставила хлеб в печь. Заходила тётя Клава, взяла буханку. Спросила: «Ты чего такая?» Надежда пожала плечами. Вечером она сидела у окна. Ждала. Он не пришёл.

На третий день она снова стояла у печи. Тесто поднималось медленно. Кошка тёрлась о ноги. За окном шумел ветер, где-то лаяла собака. Надежда смотрела на тесто и думала о нём.

В дверь постучали. Она открыла. Он стоял на пороге. Его пальто было сухим. Он улыбался.

— Ты вернулся.

— Я же сказал.

— Зачем?

— Я не за хлебом. Я за тобой.

Надежда сделала шаг вперёд. Он шагнул навстречу.

Она подняла руку и коснулась его лица. Он накрыл её руку своей.

— Я боялся, что ты не откроешь.

— Я всегда открываю.

— Я знаю. Но сегодня я пришёл не для того, чтобы войти. Я пришёл остаться.

— Оставайся.

Он шагнул в дом. Дверь закрылась. Кошка мяукнула и прыгнула на диван.

Надежда чувствовала его руки на своей талии, его дыхание на своей шее. Он целовал её плечи, шею. Она закрыла глаза и отдалась его прикосновениям.

— Я ждала тебя.

— Я знаю. Я тоже ждал.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню. Кровать скрипнула. Лунный свет падал на стены. Он целовал её грудь, её живот. Она чувствовала его пальцы на своей коже, его дыхание, его желание.

— Ты тёплая. Как твой хлеб.

— Я не хлеб.

— Я знаю. Ты лучше.

Она проснулась утром. Солнце проникало через занавески. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я никуда не уйду. Я останусь.

— Надолго?

— Навсегда. Если ты позволишь.

Надежда улыбнулась. Впервые за пять лет она верила, что её жизнь может измениться. За окном пели птицы. Где-то проехала машина. Кошка прыгнула на кровать и улеглась у них в ногах. Мир был живым. Мир был настоящим. И он был с ней.

Рассказ 3. Сухой рот

Вера открыла кран и подставила ладони под воду. Смотрела, как вода стекает по пальцам, но не чувствовала её. Холодная, тёплая — какая разница? Вера была сухой. Внутри неё не было ни капли. Она не плакала. Она не смеялась. Просто существовала. Сорок четыре года. Учительница. Разведена. Всё в её жизни было правильным, гладким, пустым.

За окном шумел город. Машины, голоса, шаги. Вера смотрела на улицу, но не чувствовала себя частью этого мира. Стояла за стеклом. Не помнила, когда в последний раз чувствовала вкус. Любой вкус. Сладкий, горький, солёный — всё исчезло. Вера встала, оделась, вышла из дома. Не знала, куда идёт. Просто шла, чувствуя, как ветер касается лица. Сухой ветер. Сухое лицо.

В баре было шумно. Музыка, голоса, звон стаканов. Вера села за стойку и заказала вино. Бармен поставил перед ней бокал. Смотрела на него, но не пила. Не чувствовала ни жажды, ни желания. Просто смотрела.

Рядом сел мужчина. Лет пятидесяти, грубый, обветренный, с тёмными глазами. Он смотрел на неё спокойно, без напряжения.

— Вы не пьёте, — сказал он.

— Я пью, — ответила Вера.

— Вы смотрите на вино. Ждёте, что оно само испарится.

— Зачем вы пришли сюда?

— Отдохнуть.

— От чего?

— От работы.

Он усмехнулся — грубо, с хрипотцой.

— Я грузчик. Десять лет. Спина болит, руки трясутся. Пью, чтобы забыть. А вы что забываете?

Вера молчала.

— Вы не пьёте, — сказал он. — Слишком правильная для этого места.

— Вы меня не знаете.

— Я вижу. Ты сухая. Вся сухая. Руки сухие, губы сухие. Даже глаза сухие.

Вера встала, взяла пальто и вышла. Ветер ударил в лицо. Шла быстро, не оглядываясь. Но он шёл за ней — она слышала его шаги.

— Не уходи, — сказал он.

Вера остановилась.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был таким же. Пока кто-то не сказал мне то же самое.

Он взял её за руку. Грубые, тёплые пальцы сжали её ладонь. Вера не отняла.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Саша. А тебя?

— Вера.

Сказала своё имя и почувствовала, как что-то сломалось внутри. Он привёл её к себе. Квартира маленькая, пахло табаком и старыми вещами. На столе пустая бутылка, на полу одежда. Вера стояла у входа, смотрела на эту комнату. Он снял пальто.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да.

— Это нормально.

— Я не знаю, что делать, — сказала Вера. — Я давно не была с мужчиной.

Он не ответил. Просто смотрел, давая время. Вера подошла к нему. Коснулась его лица. Он перехватил её руку.

— Тебя трясёт, — сказал он.

— Я знаю.

— Я сделаю больно?

— Да, — сказала она. — Но я хочу этого.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню. Старая кровать с мятой простынёй. Снял с неё платье. Вера стояла перед ним, дрожала, но не пряталась. Смотрела в его глаза.

— Ты сухая только снаружи, — сказал он. — Внутри ты мокрая.

— Заткнись, — прошептала она.

Он уложил её на кровать. Вера смотрела в потолок, чувствуя его руки на своих бёдрах, его дыхание на своей коже. Он двигался медленно, давая время привыкнуть.

— Открой глаза, — сказал он.

Вера открыла. Смотрела в его глаза, пока он целовал её.

— Я не сухая, — прошептала она.

— Я знаю.

— Я просто боялась.

— Я знаю.

Утром Вера проснулась от света. Солнце проникало через занавески, комната была залита золотом. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет.

Вера встала, оделась. Стояла у двери.

— Ты придёшь? — спросила она.

— Когда захочешь. Ты знаешь, где я.

Вера вышла на улицу. Ветер дул в лицо, но она не чувствовала холода. Шла по улице, среди людей, и впервые за долгое время чувствовала, что живая. За спиной шумел город.

На следующий день Вера не пошла к нему. Хотела. Думала о нём весь день. Но не пошла. Боялась, что ес-

ли придёт — это будет означать, что она слабая. Что она нуждается. Что она не может без него. Она не хотела быть слабой. Она хотела быть сильной. Она хотела быть сухой. Но она была мокрой. Она чувствовала это. Она чувствовала, как внутри неё нарастает желание. Она чувствовала, как она хочет его.

На третий день Вера не выдержала. Пошла к нему сама. Не ждала, пока он придёт. Не ждала, пока он позвонит. Взяла и пошла. В подъезде пахло сыростью и мокрой штукатуркой. Вера стояла у его двери и стучала. Он открыл.

— Ты пришла, — сказал он.

— Да.

— Я думал, ты не придёшь.

— Я тоже думала.

Он впустил её. Вера вошла. Сняла пальто. Он стоял и смотрел. Вера подошла и коснулась его лица.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказала она.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказал он.

Она сняла с себя одежду. Медленно. Он смотрел на неё. Вера легла, закрыла глаза. Но он не дал ей закрыться.

— Смотри на меня, — сказал он.

Вера открыла глаза.

— В этот раз ты сверху, — сказал он. — Ты хочешь контролировать?

— Да, — сказала она.

Она села на него, чувствуя его руки на своих бёдрах. Власть. Свобода. Сама задавала темп, сама решала. Смотрела на него и видела, как он теряет контроль. Она смеялась. Ей нравилось это чувство — быть сверху, быть сильной. В какой-то момент в коридоре что-то упало — кошка, которая жила у соседей, сбила что-то с полки. Они оба засмеялись.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказала она.

— Чувствуй, — сказал он.

Она двигалась медленно, потом быстрее. Смотрела ему в глаза и видела, как он смотрит на неё. Она была не сухой. Она была мокрой, живой, настоящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.